

ЗАМЕЩЕНИЕ ПРОФЕССОРСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: НАЗНАЧЕНИЕ VS ВЫБОРЫ

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14. В25.31.0009).

Рассматривается проблема замещения профессорских должностей в российских университетах конца XIX – начала XX в. Внимание уделяется социальным аспектам темы. Автор приходит к выводу, что в период действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение профессоров, этим правом МНП пользовалось не часто, но подобные случаи болезненно воспринимались в университетской среде. Это объясняется тем, что процедура замещения должностей играла роль пропуска в корпорацию и ее члены желали сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир.

Ключевые слова: университет; профессора; должность; выборы; назначение.

Одним из центральных аспектов университетской жизни всегда оставался вопрос о принципе замещения преподавательских и административных должностей. На протяжении XIX в. этот вопрос решался по-разному, отражая различные периоды университетской истории. Волнообразная смена университетских уставов 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. сопровождалась то усилением выборного начала, то утверждением принципа централизованного назначения профессоров на их должности.

В исследовательской литературе указанная тема, как правило, рассматривалась либо в контексте локальных историй отдельных университетов (Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017), либо в контексте проблемы научно-педагогической аттестации (Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994; Матушанский Г., Завада Г. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 48–56; Шаршунов В.А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3. С. 74–91 и др.). За неимением необходимости подробно описывать существовавшие в рассматриваемый период правила в настоящей работе остановимся на характеристике того, как осуществлялся процесс замещения профессорских должностей в «человеческом изменении», т.е. с особым вниманием к внутрикorporативным отношениям и различным социальным аспектам темы.

Последний в дореволюционной истории университетский устав 1884 г. предусматривал два равнозначных варианта замещения вакантной профессорской должности: либо непосредственное назначение распоряжением министра, либо избрание кандидата Советом университета с последующим утверждением Министерством народного просвещения (МНП) университетского выбора; причем какой из двух возможных путей избрать, решал сам министр [1. С. 36]. В случае следования по второму пути университет был

обязан «немедленно объявить о вакантной кафедре во всеобщее ведение» и принимать заявления от желающих занять кафедру кандидатов; помимо этого действовавшие профессора могли официально рекомендовать на вакантную должность известных им лиц.

Порядок, установленный Уставом, действовал без изменений 20 лет. Но в разгар Первой русской революции «Временными правилами» 27 августа 1905 г. был установлен запрет на практику прямого назначения, что, однако, не отменяло необходимости утверждения избранных Советом профессоров министерством [2. С. 658]. Впрочем, такое послабление действовало недолго. Поскольку нового устава, который бы закрепил данную норму, так и не появилось, с изменением политической атмосферы министерство смогло при необходимости кадровых перестановок в университетах апеллировать не к «Временным правилам», а к общим для чиновников принципам, которые предполагали право министра по своему усмотрению уволить или переместить любое лицо и без его согласия [3. С. 84]. Поэтому в постреволюционные годы непосредственное назначение профессоров решением МНП стало достаточно распространенным явлением.

8 апреля 1906 г. было высочайше разрешено как избрание путем объявления конкурса, так и по рекомендации членов факультета (без объявления открытого конкурса). Теперь при открытии вакансии университет мог ходатайствовать перед МНП об инициировании выборных процедур по одному или иному сценарию. Новая процедура предполагала право каждого члена факультета назвать кандидата на вакантную должность. Товарищ министра народного просвещения П.П. Извольский в письме (апрель 1906 г.) ректору Варшавского университета (ИВУ) Е.Ф. Карскому так разъяснял особенности нового порядка: «Конкурс, привлекая к соисканию вакантной кафедры все наличные силы, гарантирует <...> избрание наилучшего кандидата, хотя иногда лица с известным ученым именем и не выставляют своей кандидатуры, не желая подвергаться случайностям конкурсной оценки. Но, к сожалению, это слишком громоздкая процедура, отнимающая у научного преподавания в наилучшем случае ½ года, а чаще целый год и более. Поэтому в тех случаях, когда требуется скорое замещение кафедры и у факультета намечены вполне до-

стойные кандидаты, объявлению конкурса следует предпочесть избрание по рекомендации» [4. к. 114–114 об.]. Как видим, главным преимуществом новой системы министерству виделась скорость выборной процедуры. Уже отмечалось, что некоторые элементы определения кандидатов на должность по рекомендациям существовали и ранее и отношение в университетской среде к этому явлению не было однозначным. Например, профессор Московского университета (ИМУ) В.В. Марковников 12 августа 1893 г. записал в дневнике: «При рекомендациях попадают на кафедры такие гуси, которые при выборном начале, конечно, никогда не были бы выбраны» [5. С. 391].

Вот как в марте 1911 г. проходило замещение по рекомендациям кафедры факультетской терапевтической клиники медицинского факультета ИВУ. В факультетском заседании три профессора выдвинули трех своих кандидатов: профессор М.М. Кузнецов – клинического профессора при Варшавском военном госпитале, доктора медицины Г.Я. Гуревича; профессор И.Ф. Пожариский – экстраординарного профессора по кафедре частной патологии и терапии Новороссийского университета (ИНУ), доктора медицины А.И. Игнатовского; профессор П.В. Никольский – приват-доцента киевского университета Святого Владимира (ИУСвВ), доктора медицины А.С. Своехотова. В соответствии с процедурой были озвучены рекомендации названных профессоров медицинского факультета, *curriculum vitae* претендентов, отзывы об их работах. После этого состоялась баллотировка, в результате которой Г.Я. Гуревич получил 7 избирательных и 9 неизбирательных шаров, А.И. Игнатовский – 11 избирательных и 5 неизбирательных шаров, а А.С. Своехотов – по 8 избирательных и неизбирательных шаров. Таким образом, А.И. Игнатовский был избран кандидатом на вакантную кафедру. На этом основании факультет просил университетский совет ходатайствовать о назначении А.И. Игнатовского на кафедру факультетской терапевтической клиники [6. к. 64–65]. Ходатайство министерством было удовлетворено, и в мае 1911 г. А.И. Игнатовский занял искомую должность экстраординарного профессора. Таким образом, процесс замещения должности занял два месяца.

Практика перемещения профессоров между университетами без учета их желания связана преимущественно с периодом министерства Л.А. Кассо (1910–1914 гг.). Так, в эти годы только в Санкт-Петербургский университет (ИСПБУ) в качестве профессоров были назначены из ИНУ – В.М. Грибовский, С.П. Никонов, И.И. Чистяков; из Харьковского университета (ИХУ) – П.П. Мигулин; из ИУСвВ – А.А. Жилин, В.А. Удинцев; из Юрьевского университета (ИЮУ) – А.С. Яценко, В.Ф. фон Зелер [7. С. 218, 221].

Несмотря на пертурбации с механизмом замещения должностей, университеты и министерство не прекращали поиск оптимальных требований к кандидатам.

Согласно весьма категорично звучащей 99-й статье Устава 1884 г., «никто не может быть профессором, не имея степени доктора» [1. С. 36]. Однако на протяжении десятилетий в каждом университете слу-

жили десятки профессоров, имевших только одну из двух, магистерскую, степень. Выход из противоречия Уставу был найден в назначении лиц, не имевших докторской степени «исправлявшими должность» профессоров: лицам, имевшим степень магистра, было дозволено становиться и.д. экстраординарных профессоров при условии дачи обязательства защиты докторской диссертации в 3-летний срок. При этом лица, исправлявшие должность профессора, имели равные права с профессорами в вопросе членства в совете, оклада, выслуги пенсии. «Естественно, что при таких условиях, – отмечал в брошюре 1916 г. профессор ИНУ И.А. Линниченко, – у и.д. профессоров не было никакого смысла писать докторские диссертации – никакой выгоды от этого они не имели» [8. С. 7]. Профессор ИУСвВ Д.А. Граве, участвовавший в январе 1916 г. в заседании комиссии по подготовке открытия в Саратовском университете (ИНСУ) физико-математического факультета (а один из основных аргументов против открытия состоял в недостаточности профессорских кадров), говорил: «...недостаток лиц, могущих вести преподавание в университетах, есть явление кажущееся. Если министерство будет настаивать на необходимости для профессоров известной марки – степени, то не только нельзя будет открыть ни одного высшего учебного заведения, но и существующие придут в полное запустение. Профессором может быть тот, кто имеет работы, кто действительно может научить студентов, а получение или неполучение степени есть во многих случаях дело случайное, чисто с наукой ничего общего имеющее». В итоге в выработанном комиссией докладе для Совета содержался пункт № 4, который гласил: «Вследствие возможности замещения кафедр магистрантами и возможности поручения преподавания магистрантам не встретится затруднений для обеспечения преподавания на физико-математическом факультете» [9. Л. 6 об. – 7, 11 об.]. В целом по состоянию на 1915 г. порядка 30% всех профессорских должностей в университетах Российской империи было занято и.д. экстраординарных или ординарных профессоров, имеющими степень магистра [10. Л. 33].

Судя по объявлениям о вакансиях преподавательских должностей, требования разных университетов к претендентам могли варьироваться. Например, согласно объявлению о поиске ИУСвВ лектора итальянского языка (декабрь 1906 г.) от претендентов требовалось рукописное или печатное сочинение по итальянскому языку или по литературе; помимо этого, «лица, явившиеся кандидатами на должность лектора, должны в присутствии членов историко-филологического факультета: а) защитить представленные ими сочинения и извлеченные из них тезисы и б) прочесть две пробные лекции, одну по языку, другую по истории литературы» [11. Пагинация 1-я. С. 70–71]. А вот историко-филологический факультет ИЮУ, искавший в 1915 г. лектора французского языка, предъявлял к конкурсантам меньше требований: лица, желавшие занять указанную должность, должны были прислать заявление на имя декана и представить диплом или иное удостоверение о полученном образовании, *curriculum vitae*, печатные труды (при наличии) [12. к. 164].

Дискуссии о том, что именно и в каких формах требовать от претендентов на вакантные кафедры, довольно часто возникала в Советах университетов. Так, в июне 1907 г. медицинский факультет Казанского университета (ИКУ) был озабочен замещением кафедры патологической анатомии, ставшей вакантной после смерти профессора Н.М. Любимова. Во время первой процедуры выборов из четырех кандидатов на эту должность больше других «избирательных голосов» получил приват-доцент Военно-медицинской академии Ф.Я. Чистович, опередив в числе прочих и доктора медицины П.П. Заболотнова, приват-доцента ИКУ, ученика покойного профессора Любимова. Однако этот конкурс Министерством народного просвещения был признан незаконным в силу допущенного нарушения, которое выразилось «в допущении студентов к участию в факультетской оценке кандидатов» [13. Л. 31]. Во время обсуждения порядка повторных выборов члены Совета университета раскололись по вопросу о том, достаточно ли при проведении конкурса ознакомления только с печатными работами кандидатов или требуется вызов всех претендующих на занятие кафедры в Казань, чтение ими пробных лекций и проведение патологоанатомических вскрытий (что не было предусмотрено действовавшим уставом, но вытекало, по мнению сторонников этой меры, из специфики кафедры) [Там же. Л. 25].

Во время развернувшейся 18 сентября 1907 г. дискуссии на заседании Совета медицинского факультета прозвучали небезынтересные доводы и аргументы с разных сторон. Если профессор В.И. Разумовский не видел в дополнительных испытаниях ничего зазорного, то профессор К.А. Арнштейн занял иную позицию: «Подобное требование равносильно экзамену, которому уважающий себя специалист с научным именем не пожелает подвергнуться. На это пойдут только второразрядные или молодые ученые, научная репутация которых еще не установлена и которым, следовательно, терять нечего. <...> а самые способные из кандидатов займут кафедры в других университетах» [Там же. Л. 34, 34 об.]. (Отметим пресечение мыслей профессора Арнштейна с вышеприведенными соображениями товарища министра народного просвещения П.П. Извольского, высказанными им в 1906 г.) В любом случае, по мнению большинства членов Совета, усложнение конкурсной процедуры отпугнуло бы от приезда в Казань иногородних кандидатов. Принятие решения затянулось, велись согласования с ректором, попечителем и министерством. В итоге было принято решение проводить конкурс обычным порядком, без дополнительных испытаний, и кафедру с 1908 г. занял вышеупомянутый Ф.Я. Чистович, одержавший победу еще на первых выборах в июне 1907 г. [Там же. Л. 44].

При обсуждении достоинств кандидатов на вакантные кафедры порой разгорались нешуточные споры. Приведем несколько примеров из истории разных университетов.

В конце 1880-х гг. приват-доцент ИНУ В.А. Яковлев обратился в МНП с просьбой о назначении его профессором по кафедре русского языка и литературы. Министерство, в свою очередь, запросило через

попечителя учебного округа от университета характеристику на просителя, которую по поручению ректора дал ординарный профессор А.А. Кочубинский. Характеристика вышла достаточно негативной; профессор А.А. Кочубинский, в частности, писал: «Участие г[осподина] приват-доцента Владимира Яковлева в судьбах истории русской литературы как науки обозначилось изданием некоторых памятников нашей письменной старины, именно Патерика¹ и Домостроя, и некоторым исследованием первого. Но как ученая, так и издательская деятельность г[осподина] Яковлева обнаружила недостаточную подготовку автора для науки. <...> Легкое отношение к предмету сделалось тяжелым уделом г[осподина] Яковлева, чего бы он ни касался, хотя и касаться он позволял себе нечасто. <...> Но что сказать о втором ингредиенте – кафедры, которой домогается г[осподин] Яковлев, – русского языка? Эта область <...> совсем чужда ему. Воспитавши в себе особое отношение к интересам научного труда, г[осподин] приват-доцент Яковлев едва ли (реализует. – М.Г.) с осязаемой пользой свое преподавательское поприще у нас: он был среди нас только как человек с формальным правом. <...> Поручать кафедру истории русского языка и литературы г[осподину] приват-доценту Яковлеву, следовательно, связывать судьбы ее у нас с его деятельностью, не представляется желанным, так как желанного усиления этой кафедры произойти не может – не представляется желательным» [14. Л. 3–3 об.]. Заметим, впрочем, что, несмотря на такой отзыв, в 1894 г. В.А. Яковлев все-таки ненадолго станет экстраординарным профессором ИНУ на кафедре русского языка и литературы.

Заседания факультетских и университетских советов сопровождали особенно бурные споры, когда решался вопрос о замещении вакантных преподавательских должностей. Не согласные с решением Совета профессора могли оставаться при Особом мнении, фиксируя свое несогласие письменно. Так, в 1914 г. ординарный профессор юридического факультета ИЮУ Б.В. Никольский оказался в меньшинстве при баллотировке приват-доцента А.А. Алексеева на должность экстраординарного профессора по вакантной кафедре энциклопедии и философии права (результаты голосования: пять – за избрание А.А. Алексеева, три – против). В Особом мнении Б.В. Никольский писал: «Ссылаться на то, что за книгу автор уже удостоен ученой степени, недостаточно. Мы знаем, что иногда книга бывает умней и значительней автора, а иногда – и гораздо чаще – наоборот. Присуждение степени, основываясь не на книге только, а и на диспуте, во впечатлении от личности автора, очень часто зиждется не только не столько на достоинствах произведения, сколько на способностях автора и возбуждаемых им надеждах. Бывает иногда, и к несчастью чаще, чем следует, что степень, особенно магистерскую, присуждают только в виде “поощрения”, а то даже из сострадания и человеколюбия. Знаменитый Пернис², по словам его биографа, порою голосовал за присуждение ученой степени со словами: “Lassen wir schon den dummen Jungen durch – Pech genug für ihn, dass er so ein Schaaf ist”³. Но одно дело поощрять любовь к науке... и иное дело – поручить человеку пре-

подавание. Приглашая в свои ряды нового сочлена, мы должны заботиться об интересах преподавания, а никак не о поощрении кафедрой человека, к ней, может быть, не способного и не подготовленного. ... Тут ни поощрению, ни снисхождению, ни тем более жалости не должно быть места. Притом недостаточная строгость и заботливость наша при этих выборах служит наилучшим оправданием замещения кафедр назначением».

Далее Б.В. Никольский принял за анализ труда приват-доцента А.А. Алексеева «Министерская власть в конституционном государстве» (Харьков, 1910), за которую тот был удостоен степени магистра государственного права, на предмет «1, достаточна ли она сама по себе, чтобы присудить за нее степень магистра, 2, свидетельствует ли она о преподавательских способностях автора и 3, свидетельствует ли она о его пригодности для занятия той кафедры, на которую его рекомендуют». На все три вопроса Б.В. Никольский дал отрицательные ответы. В заключение Б.В. Никольский пишет: «Если другого кандидата, кроме г. Алексеева нет, так значит надо отказаться от замещения кафедры и выждать, ибо непозволительно факультету и совету рекомендовать слабого кандидата только потому, что он единственный: это напомнило бы Гоголя, у которого один из действующих лиц восклицает: “Не с чего, так с бубен!”». В особенности следовало бы быть осторожными в деле таких замещений лицам, находящим избрание профессором предпочтительнее назначения: какой прок в избрании, если при этом на безлюдье и Фома дворянин?» И далее: «Готов был бы разделить розовые надежды тех, кто уповает, что г. Алексеев поучится и научится учить других; однако, на чей же умственный счет и за чью нравственную ответственностью будет подучиваться г. Алексеев? Что же для чего, в конце концов, существует – профессура для того, чтобы студенты у них учились, или студенты для того, чтобы профессора у них учились? Такие *experimenta in anima vili*⁴ противоречат нашему достоинству как наставников и руководителей молодежи. Она должна знать, что избираемый нами профессор есть достойный ее доверия и внимания наставник, что он приглашается в университет во свидетельство признания нами его преподавательских и ученых качеств, а не для того, чтобы заткнуть вакантную кафедру единственным наличным кандидатом, заслуживающим только тройки на суде самих рекомендующих» [15. Л. 14, 15, 33–34]. Получив большинство голосов «за», А.А. Алексеев занял искомую кафедру, хотя задержался в университете ненадолго.

При определении кандидатов на вакантную кафедру естественным образом задействовались личные связи. Так, в ноябре 1907 г. профессору ИВУ П.И. Митрофанов писал директор Пулковской обсерватории О.А. Баклунд: «При нашем кратком свидании вчера я совершенно забыл назвать Вам еще одного вполне подходящего кандидата на должность профессора астрономии». О.А. Баклунд рекомендовал рассмотреть в качестве кандидата адъюнкта-астронома Пулковской обсерватории Г.А. Тихова [16. к. 428]. Впрочем, Г.А. Тихов, впоследствии член-

корреспондент Академии наук СССР, так и не свяжет свою профессиональную деятельность с Варшавой. В сентябре 1911 г. бывший ординарный профессор ИВУ В.В. Максимов, возглавлявший хирургическое отделение Санкт-Петербургской городской детской больницы, так реагировал на просьбу медицинского факультета ИВУ назвать кандидатуру на новую кафедру: «Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за лесное доверие и честь, которыми Вы меня удостоили, предоставив мне по поручению медицинского факультета указать и рекомендовать достойного кандидата на открывающуюся новую кафедру педиатрии при И[мператорском] Варшавск[ом] Унив[ерситете]». В.В. Максимов рекомендовал своего коллегу, доктора медицины Б.Н. Воинова, заведующего отделением инфекционных детских болезней [17. к. 123–123 об.].

В свете разбираемого аспекта университетской истории встает вопрос о степени конкуренции среди отечественных преподавателей и ученых на штатные должности в российских университетах. Анализ многочисленных выборных процедур приводит к двоякому выводу. С одной стороны, редкие выборы кандидата на вакантную университетскую кафедру обходились без конкуренции как минимум между двумя-тремя лицами. С другой стороны, «ученый ценз» претендентов очень часто не соответствовал требованиям должности. Приведем примеры, относящиеся к самому молодому в империи – ИНСУ. В 1912 г. здесь проводился конкурс на замещение 6 кафедр медицинского факультета, на которые претендовал 21 человек. Среди них – сверхштатный экстраординарный профессор ИХУ, пять приват-доцентов ИМУ, три приват-доцента ИУСВВ, два приват-доцента ИНУ, по одному приват-доценту их ИКУ и ИХУ, а также четыре приват-доцента Военно-медицинской академии, два приват-доцента Санкт-Петербургского женского медицинского института, врач из больницы Екатеринбург и старший ординатор из Варшавского лазарета [18. Л. 6–6 об., 100]. В 1916 г. «Список г[оспод] аспирантов⁵, подавших заявления на соискание вакантной кафедры госпитальной терапевтической клиники при Императорском Николаевском университете» состоял из семи человек: шести приват-доцентов и только одного ординарного профессора. Для разбора заслуг кандидатов была сформирована комиссия, которая разделила всех претендентов на три группы. К первой были отнесены четыре человека, «обладающие вполне солидной подготовкой, необходимой для кандидата на такую ответственную кафедру», ко второй – одного из претендентов, «считая его опытным практическим врачом и полезным приват-доцентом», но с указанием на некоторые недочеты в его работе, в третью группу были включены два приват-доцента «как неудовлетворяющие тем требованиям, которые должны быть предъявлены к профессору-клиницисту». В результате выборов, последовавших за приглашением выводов комиссии, победу одержал приват-доцент Г.А. Любенецкий, изначально включенный в первую группу [19. Л. 4, 8, 9, 290].

Редкий случай произошел в 1912 г. в ИЮУ. В ноябре 1912 г. при выборах профессора кафедры всеобщей истории имелось четыре кандидата. Ни первая ни

вторая баллотировка не принесли победу ни одному из кандидатов. По итогам третьей баллотировки вновь равное количество голосов получили Е.В. Тарле и В.Э. Регель. Подробное описание процедуры через канцелярию попечителя учебного округа было направлено Министерство, которое приняло достаточно неожиданное решение: утвердить в качестве экстраординарных профессоров обоих кандидатов [20. Л. 11–12 об., 34–34 об.].

Вопрос замещения преподавательских должностей в рассматриваемый период был тесно сопряжен с проблемой раскола университетских советов на враждебные группировки, с чем была связана практика «голосования по партиям». Рекомендованный к избранию факультетским советом претендент мог быть забаллотирован на уровне университетского совета, а избранный на университетском совете профессор, мог не получить утверждения в министерстве. Зависимость решения о назначении на должность не только от мнения факультета, но и от университетского Совета и, тем более, от МНП порой сильно досаждала представителям университетского сообщества. Показательно в этом отношении письмо (27 февраля 1914 г.) приват-доцента ИСПБУ В.Ф. Якубовича профессору ИУСвВ Г.М. Малкову об избрании его – Якубовича – профессором в Киеве: «Хотя я и бесконечно рад избранием меня, но пока боюсь окончательно надеяться, так как еще не известно, чем дело кончится в Совете. В Одессе был ни один случай, где выбранного факультетом единственного кандидата совет провалил, благодаря агитации среди членов последнего теми членами медицинского факультета, самолюбие которых было уязвлено неизбранием желательного им кандидата, а в других случаях вследствие желания дать министру возможность назначить то или другое желательное лицо. Так было и в том

случае, когда выступали Вы, Левашевской клике желательным было, чтобы в одном случае был назначен Коровицкий, а в другом – Игнатовский. Во всяком случае, пока Вы не известите меня, что я прошел и в совете, буду держать Вашу телеграмму в строгом секрете, чтобы пока и министр ничего не узнал раньше времени и секретно не оказал бы давления на Совет. Когда же окажусь избранным и последним также, то пушу в ход родню г[осподина] Кассо, которой он обещал, что не будет противиться моему избранию. Вот тогда наступит для него щекотливый момент показать окончательно, могут ли даже родственники верить его словам» [21. Л. 65]. Опасения В.Ф. Якубовича были не напрасны. Он действительно не был утвержден в должности профессора, во всяком случае, его фамилии в списках профессоров ИУСвВ за 1914–1917 гг. не обнаруживается.

Вместе с тем знакомство с многочисленными биографиями университетских профессоров позволяет прийти к выводу о том, что в период действия последнего университетского устава (1884–1917 гг.), допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим Министерство народного просвещения пользовалось не так уж и часто, а имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались университетской общественностью как из ряда вон выходящие действия министерства и покушение на их права. Такое внимательное отношение профессуры к «кадровым вопросам» вполне объяснимо. Процедура замещения вакантных должностей играла роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию, и ее члены желали во что бы то ни стало сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир, что им в основном удавалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патерик – сборник изречений святых отцов-подвижников или рассказов о них.

² Людвиг Вильгельм Антон Пернис (1799–1861) – германский юрист, ученый-правовед.

³ «Давайте пропустим этого глупого мальчика – ему уже достаточно не повезло в том, что он такой баран» (нем.).

⁴ *Experimenta in anima vili* – «Опыт на маломощном организме» (лат.); перен. – о пренебрежительном отношении к тем, чьи интересы затронуты проводимым мероприятием.

⁵ Слово «аспирант» здесь употребляется в значении «кандидат», «претендент».

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб., 1884. 63 с.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб., 1908. 966 с.
3. Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. III. 752 с.
4. *Archiwum Państwowe w Warszawie (APW)*. Z. 214. S. 81.
5. Записки В.В. Марковникова // *Русский Архив*. 1910. № 3. С. 357–400.
6. *APW*. Z. 214. S. 501.
7. Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 215–235.
8. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг., 1916. 44 с.
9. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 718.
10. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598.
11. Журнал министерства народного просвещения. 1906. Декабрь.
12. *APW*. Z. 214. S. 329.
13. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545.
14. Государственный архив Одесской области. Ф. 42. Оп. 35. Д. 326.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373.
16. *APW*. Z. 214. S. 466.
17. *APW*. Z. 214. S. 108.

18. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 161.
19. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 731.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 201. Д. 169.
21. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 385 Оп. 2. Д. 26.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 июля 2017 г.

FILLING PROFESSORIAL POSITIONS IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY UNIVERSITY: APPOINTMENT VS ELECTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 71–76.

DOI: 10.17223/15617793/423/9

Mikhail V. Gribovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Keywords: university; professors; position; appointment; elections.

This research was conducted on the basis of documents extracted mainly from the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Capital City of Warsaw, the Central State Historical Archives of Ukraine, the Russian State Historical Archive, the National Archives of the Republic of Tatarstan, the State Archives of Odesa Oblast, the State Archive of Saratov Oblast. Particular attention is paid to the social aspects of changing the procedures for filling vacancies, searching for optimal requirements for candidates for professorships and the phenomenon of “acting professor” (“ispravlyayushchiy dolzhnost’”). The author touches upon the subject of the degree of competition for full-time teaching positions in Russian universities. The item of the principle of the filling of teaching posts has always remained one of the central aspects of university life. Throughout the 19th century this issue was solved in different ways and this reflected the different periods of university history. Wave-like change of university statutes in 1804, 1835, 1863, 1884 were sometimes accompanied by an intensification of the elective principle, sometimes by the affirmation of the principle of centralized appointment of professors to their posts. At the turn of the 20th century there were three ways of filling vacant chairs: an open competition, a competition for recommendations, the appointment of the Ministry of Education. The requirements for candidates for teaching positions in different universities could be slightly different. The main formal requirement – the presence of a doctoral degree – was fairly easily turned aside through the introduction of the notion “ispravlyayushchiy dolzhnost’” of a professor. However, the election of a candidate to hold a vacant post was, as a rule, very competitive (there were at least 2–3 applicants and quite often 4–6). Knowledge of numerous biographies of university professors allows to come to a conclusion that during the period of validity of the last university statute (1884–1917) which allowed direct assignment of teachers to vacant posts, the Ministry of Education did not often enjoy this right. Rare cases of ignoring the opinion of the University Council in the appointment of a new member of the faculty were often perceived by the university community as extraordinary actions of the Ministry and as an attempt on their rights. The professor’s attentive attitude to “staffing matters” is quite understandable. The procedure for filling vacancies played a role of admission to a university teaching corporation and its members wanted to keep control over the “front doors” to the academic world. And it was mostly possible for them.

REFERENCES

1. Typography of A. Yakobson. (1884) *Obshchiy ustav i vremennyy shtat Imperatorskikh rossiyskikh universitetov, a takzhe raspisanie dolzhnostey i okladov soderzhaniya po inspeksii v universitetakh* [General statutes and temporary staff of Imperial Russian Universities, as well as a schedule of posts and salaries by the inspection at universities]. St. Petersburg: tip. A. Yakobsona.
2. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXV. Part I. St. Petersburg: Gos. tip.
3. Russian Empire. (1876) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
4. State Archive in Warsaw (APW). File 214. pp. 81.
5. Russkiy Arkhiv. (1910) *Zapiski V.V. Markovnikova* [Notes of V.V. Markovnikov]. *Russkiy Arkhiv*. 3. pp. 357–400.
6. State Archive in Warsaw (APW). File 214. pp. 501.
7. Belyaeva, O.M. (2011) *Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma. Konflikty v professorskoy srede* [Academic community of St. Petersburg University with rector E.D. Grimm. Conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii*. 34. pp. 215–235.
8. Linnichenko, I.A. (1916) *Proekt novogo universitetskogo ustava* [Draft of a new university statute]. Petrograd: tip. t-va “Obshchestv. Pol'za”.
9. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 718. (In Russian).
10. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 598. (In Russian).
11. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1906). December.
12. State Archive in Warsaw (APW). File 214. pp. 329.
13. National Archives of the Republic of Tatarstan. Fund 92. List 2. File 7545. (In Russian).
14. State Archives of Odesa Oblast. Fund 42. List 35. File 326.
15. State Archive of the Russian Federation. Fund 588. List 1. File 1373. (In Russian).
16. State Archive in Warsaw (APW). Z. 214. pp. 466.
17. State Archive in Warsaw (APW). Z. 214. pp. 108.
18. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 161. (In Russian).
19. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 731. (In Russian).
20. Russian State Historical Archive. Fund 733. List 201. File 169. (In Russian).
21. Central State Historical Archives of Ukraine. Fund 385 List 2. File 26.

Received: 02 July 2017